

Мора Скарр

18+

На глубине
его страсти

Мора Скарр
На глубине его страсти

«Автор»

2026

Скарр М.

На глубине его страсти / М. Скарр — «Автор», 2026

Меня бросили за две недели до свадьбы и увезли в круиз — развеяться. Развеялась так, что свалилась с лайнера ночью прямо в чёрную воду. Меня вытащили снизу. Горячие руки на талии. Синие глаза. Хвост. Очнулась голая на необитаемом острове, а он снимал с моей кожи соль. Языком. С самой довольной мордой на свете. Эмпат. Слышит каждую мою мысль. Знает, чего я хочу, раньше меня самой. И умеет молчать ровно столько, чтобы я сама приползла. Три дня. Потом он должен нырнуть обратно в свою пучину. Так правильно. Только этот морской дьявол уже выбрал. И платить готов двумя сотнями лет жизни и целым океаном.— Могу продолжить. Если попросишь.— Хвост тебе в водоросли, Мирен.— Это пока угроза или уже просьба? Святой укроп. Во что я вляпалась?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мора Скарр

На глубине его страсти

Глава 1

Элиза

Я никогда раньше не блевала с круизного лайнера в море. И прямо сейчас, в час ночи с минутами, готовилась этот пробел в биографии устранить.

Палуба качалась. Внутри меня плескалось три коктейля с дурацкими названиями, один бокал просекко, половина тирамису и стейк, который мне ещё за ужином не понравился.

Я держалась за поручень. Он был мокрый. Вечером прошёл дождь, и палубу никто не вытер, потому что круизные палубы, как выяснилось, никто и никогда не вытирает. Внизу виднелась чёрная вода.

— Святой укроп, — сказала я вслух, никому. — Вот же наклюкалась!

Меня штормило, и я еле держалась на высоченных каблуках. Туфли эти я ненавидела. Но Луиза выложила их передо мной на кровать с таким торжествующим видом, что я не могла отказаться. Тонкая шпилька, ремешок на щиколотке, кожа — не моя тема. Ноги уже три часа жили отдельной от меня жизнью, и эта жизнь, судя по всему, была короткой и страдальческой.

Платье ещё хуже. Узкое, синее, с открытой спиной. Однако Марте понравилось.

— Под глаза подходит и под волосы, ты в нём богиня, — вскинула она руки.

Ага. Богиня. Я выглядела колбасой в нарядной плёнке. Богиней в нём была бы любая из них двоих, что, в общем, и было основной идеей моего здесь присутствия: мы три недели назад договорились, что я еду развеяться. Сил спорить с ними не хватило. Тем не менее я пыталась.

— Мне надо клумбу посадить, — отмахивалась я. — Обрезать жимолость, у меня заказ на сорок горшков лаванды. Не до расслабонов. Нужно работать.

— Вот именно поэтому тебе надо развеяться.

Логика женщин, которым кажется, что они тебя спасают, не оспаривается. Её можно только пережить.

Я перевесилась через поручень чуть ниже. Внутри что-то лениво булькнуло и поднялось.

Ну, давай. Чего тянуть.

В голове паразитом всплыла фраза бывшего жениха: «Я нашёл настоящую любовь».

Ну и отлично. Просто блестяще. Вот именно это мне сейчас и надо было. Чтобы посреди подготовки к коллективному прощанию со стейком в голову вломился он и его настоящая любовь.

А моя любовь для него что... какая-то ненастоящая? Поддельная? Я, видимо, в этой схеме была бесплатной демоверсией, с урезанным функционалом, и он три года меня тестировал, прежде чем решить, что нет, не его уровень, надо за полную цену.

И всё это за две недели до свадьбы. Две. Недели!

Твою ж. У меня платье уже висело в шкафу. Лимонные деревья я заказала в трёх горшках, чтобы поставить у входа в ресторанчик, где должно было быть всё. Даже договорилась с соседкой, чтобы она покормила и вывела Бруно, поскольку он не любил толпу.

Бруно. Господи, мне сейчас в дом не хочется заходить, потому что там лежит флегматичная такса, на которую я жаловалась этому мерзавцу. Это он приволок пса к нам, а после бросил, как и меня. И Бруно теперь единственный свидетель того, что три года вообще были между нами.

Я перевесилась ещё ниже. Холодный поручень впился в мои руки.

— Мать твою лимонную, — прошептала я морю. — Теперь я снова грустная, но к тому же пьяная.

Море не ответило. Оно меня вообще игнорировало с самого начала круиза, что было даже как-то оскорбительно: я живу у моря, работаю там же, мои руки пахнут им и землёй в равных пропорциях, и я выросла с мыслью, что у нас с морем какие-то взаимные отношения. А оно тут плескалось в борт лайнера так, как будто меня вообще нет.

Стейк решил, что с него хватит дискуссий, и пошёл к выходу.

Я успела наклониться. Это, в принципе, и было главным достижением вечера. Не каждой удаётся в час ночи на качающейся палубе в шпильках сохранить нужный угол, и я в моменте даже подумала, что не всё потеряно, какая-то моторика ещё работает.

Я постояла, опираясь лбом на поручень. Он оказался очень кстати. Без него я бы, наверное, легла. Стало легче. В голове сразу появилось место для мыслей, и они немедленно туда влезли, толкаясь.

Теперь я отчаянно хотела домой. В свой белый домик. К Бруно и лимонному дереву у крыльца. К соседке-итальянке, которая через забор кричит:

— Элиза, ты опять не ела!

Независимо от того, ела я или нет, потому что в её картине мира я недокормленный птенец до конца дней.

Хочу домой и не желаю никогда больше видеть круизный лайнер. Ни один. Никакой. Даже на картинке.

Лишь только я выпрямилась, палуба качнулась. Или я.

Ну вот оно... дно. Ниже не бывает.

Жизнь, к её несомненной чести, тут же доказала мне обратное.

Я попыталась оттолкнуться от поручня и добрести хотя бы до туалета, чтобы прополоскать рот. Никогда больше не буду пить ничего ярко-зелёного.

Правый каблук уехал вправо. А палуба была мокрая.

Дальше пошёл интересный эффект. Меня развернуло. Левая рука соскользнула с металла. И я вдруг с трезвой отчётливостью поняла, что лечу.

Я успела увидеть борт лайнера. Он был белый, огромный, с иллюминаторами, в которых горел жёлтый свет. Очень красиво, кстати. Кинематографично. Если бы я смотрела это в кино, я бы оценила работу оператора.

Секунда, и я погрузилась в море.

Удар получился такой, что у меня вышибло весь воздух разом. На мгновение мне показалось, что я врезалась в бетон. Боль прошла по спине, по затылку, по бёдрам — везде, куда пришлось. И сразу — режущий холод, ввинчивающийся под кожу.

Сверху шумел двигатель, играла далёкая музыка, плескались волны о борт. Под водой не было ничего. Только давление в ушах. И темнота — потому что я ушла глубоко, нырнула как камень, узкое платье обтянуло меня и потащило, туфли потянули ноги вниз, и в первую секунду я даже не поняла, в какой стороне верх.

Я начала барахтаться. Дёргалась, била руками, пыталась развернуться, тратила воздух. А он ещё оставался в лёгких после удара. Но кончился быстро.

Как только я открыла глаза в воде, соль резанула. Где-то очень далеко наверху было светлое пятно. То ли луна, то ли борт лайнера, то ли мне это уже галлюцинировалось. Оно далеко. Не доплыть.

Надо сбросить туфли.

Я попыталась, но узкое платье прижимало руки, и я не дотягивалась до щиколоток. Поэтому билась в чёртовом синем чехле, как муха в бутылке. Лёгкие горели. Горло сжалось, удерживая последний пузырь воздуха, и я знала, что вот сейчас рефлекс не выдержит, и я вдохну, но не воздух.

Так и умру. Буднично, по-дурачки, в тонком синем платье в нескольких метрах от лайнера, на котором никто не заметит.

Луиза с Мартой ещё часа три не пойдут спать. Они вернутся в каюту, увидят мою пустую кровать и решат, что я нашла себе кого-то. Порадуются, наверное. И уснут.

Утром они начнут писать мне в чат.

Бруно. Кто будет кормить Бруно? Соседка покормит. Не оставит. Хорошо.

Господи, я даже не пьяная. То есть пьяная. Но не настолько. Я в полном сознании сейчас умираю.

Я открыла рот. Не могла больше. Тело решило за меня. Горло разжалось, и я попыталась вдохнуть, и это было так больно и дико. И вторая попытка вдоха случилась уже рефлексом. В лёгкие вошла ещё вода, и я начала тонуть по-настоящему.

Темнело. Перед глазами всё стало расплываться.

Вот это сейчас серьёзно всё?

Какая глупая, бессмысленная, неэстетичная смерть. Я тридцать лет старалась всё делать аккуратно, чтобы вот так — на тебе.

В фильмах обычно жизнь проносится перед глазами, всё мелькает, вспышки, любимые лица. У меня ничего не мелькало. В голове плескалась одна мысль: «Ну вот...»

И ещё, кажется, я успела подумать что-то про лимонное дерево. Что правую сторону я так и не вылечу. И что это, в общем, обидно.

Дальше начался следующий этап. Я где-то читала, что в какой-то момент перед смертью паника отпускает. Тело понимает, что бороться больше нечем, и сдаётся. Это называется как-то по-научному. Не помню как, и сейчас это неважно.

Меня отпустило. Холод стал тёплым. Это, говорят, тоже признак, когда становится тепло, это значит, что осталось недолго.

Я не испугалась. Ну и хорошо. Замерзать не хочу.

И в этот момент меня что-то схватило.

Снизу.

Кто? Откуда? Там же дно, оно где-то очень далеко, а мы тут, в толще, в чёрной воде. Кто оттуда схватит?

Руки. Это были руки. Я их почувствовала. Они обхватили за талию, прижали к себе. В холодной воде они ощущались горячими.

Я в полусознательном состоянии успела подумать, что у меня галлюцинация перед смертью, мне выдали персональную грелку.

Меня потащило куда-то. Скорее всего, вверх. Я это поняла по тому, что давление в ушах стало уменьшаться, а не нарастать. Скорость какая-то нечеловеческая. Не как пловец тащит. Пловец барахтается, гребёт, дёргается. А тут мощное движение, как будто меня везут в торпеде.

В голове опустело. Я даже не пыталась понять. Только чувствовала эту тёплую, сильную хватку, и где-то на грани сознания мне было хорошо, оттого что меня держат. Тридцать лет старалась грести сама.

Где-то начал появляться свет. Он размылся в моих глазах в большое серое пятно, и оно росло.

И тут прямо передо мной появилось лицо. Очень близко. У меня плыло зрение, но я различила: тёмные волосы в воде разошлись короной вокруг головы. И глаза. Глаза были синие. Я в жизни таких не видела, а я работаю с цветами и различаю оттенки. У меня в питомнике стоят три сорта лобелии, у нас с синим близкое знакомство. Эти были как глубокая вода. Насыщенные, плотные, со светящимся обводом.

Мужик. В море. Подо мной.

Я попыталась что-то понять и не смогла. Сознание уже едва тлело, но оно выдало последнюю мысль.

Ну хоть красавчика перед смертью показали. Спасибо вселенной за щедрость.

Мужик что-то делал. Кажется, его губы двигались, но я не слышала, поскольку мы находились под водой, или потому что у меня уже отказывал слух, или и то и другое.

Выпрыгнул вместе со мной и сейчас матерился под водой? Вот идиот! Помрём же.

Сознание покинуло меня и толчками показывало ощущения.

Меня вышвырнуло на воздух, и кто-то вдохнул мне в рот. Я кашлянула водой, и опять вдохнул, и снова. Где-то на третьем разе я уже не понимала ничего.

Под щекой почувствовала тёплое плечо. Я уткнулась в него и провалилась окончательно в темноту.

Где-то очень глубоко, на самом дне, успела понять, что, кажется, не умерла.

Вселенная. Если ты меня сейчас вытаскиваешь только для того, чтобы я завтра пожалела, я тебе этого не прощу.

Но, кажется, она что-то задумала.

Глава 2

Элиза

Что-то мокрое скользнуло по шее.

Я ещё не открыла глаза, но уже знала, что это Бруно, и сердилась. У него манера дебильная. Приходит, не лаает, вместо этого лижет в шею, пока не встанешь. Хотела его отогнать, но во рту было сухо и солоно. Вырвавшийся звук вышел как кашель.

Бруно лизнул ещё раз за ухом.

Стоп.

У него язык не такой. У собаки он широкий, шершавый, мокрый. А этот был тёплый и мягкий.

Открыв глаза, я увидела прямо надо мной чьи-то тёмные волосы. С них капало. И тут показалось лицо. Оно склонилось к моей шее и что-то с ней делало.

Я заорала. Хотя это громко сказано. Захрипела, скорее.

Он отшатнулся, и я увидела наконец, на кого ору.

Это же мужик. Голый и смуглый. Сидел надо мной на коленях. У него блестел рот, а глаза с интересом изучали меня, как будто это я тут делаю что-то странное.

— Соль у тебя, — произнёс он. — Не дёргайся. От неё сыпь будет, и я сниму.

Голос был такой, что я на мгновение забыла, чем занималась его голова десять секунд назад. Низкий, с гулом, что ли, внутри. Словно говорит и одновременно у меня под кожей что-то трогает.

— Что ты, — сипло сказала я, — делаешь?

— Соль, — повторил он терпеливо. — Я тебя из воды вытащил. Ты вся в соли. От неё на коже сыпь. Я снимаю. И пока не закончил.

И наклонился обратно. А я отшатнулась и резко села. Да так, что голова крутанулась, песок поехал из-под ладоней.

Песок.

Я была на песке!

В мокром синем платье. Оно висело на мне как тряпка, прилипало к рёбрам, бёдрам, грудь под ним видна вся.

Уставилась на мужика.

Он сидел напротив, сложив руки на коленях, и терпеливо ждал, когда я перестану дёргаться.

Потом я перевела глаза ниже.

Вместо ног у него был... хвост.

Он уходил от пояса. Синий, с зелёным отливом. Лежал на песке кольцом. Плавник на конце широкий. Чешуя... Я в жизни не видела такого: каждая чешуйка размером с ноготь, и все переливались.

Я смотрела на хвост секунд пять.

Потом я подумала: рыба. На песке. Не догонит.

И вскочила.

Бежала я плохо босиком. Туфли где-то остались, спасибо им за это, светлая память. Платье било по бёдрам мокрым хвостом. Песок проваливался. Я не знала, куда бегу, потому что я ещё не разглядела, где я, но я понимала, что надо мчаться в противоположную сторону от хвоста.

Оглянувшись метров через десять, я увидела, что мужик стоял.

На ногах! Длинных, мускулистых, абсолютно на человеческих ногах. Голый. С самой довольной мордой, какую я когда-либо видела за свою жизнь.

— Русалкина мать! — выкрикнула я.

И помчалась дальше.

Остров был маленький. Я это поняла совсем скоро. Обежала примерно треть, и впереди уже видела другую сторону. Там белый песок, скалы какие-то, и за ними опять море. Скрыться негде.

— Куда ты? — донеслось сзади громко и спокойно.

Я обернулась.

Он шёл за мной широким шагом. Держал между нами метров десять и не сокращал.

— Прямо песок! — продолжал он. — В центре, кстати, тоже. Если хочешь, проведу тебе экскурсию по обратной стороне, она немногим разнообразнее.

— Отстань!

— Вот уж нет.

— Иди в... в воду! — кричала я, убегая, хотя хотелось послать его в другое место. — Твоё рыбье место там!

— Только что оттуда.

Я споткнулась о камень и растянулась. Сесть не успела. Мужик уже подошёл и сел в трёх шагах от меня на корточки.

— У тебя есть фора, — хмыкнул он. — Я ими только два часа пользуюсь.

— Чем?

— Ногами. Беги быстрее, у тебя ещё шанс.

Я попыталась подняться. Получилось плохо. Ладонь скользнула по песку, и я опять села. Колено саднило. А там была кровь.

Он посмотрел на рану и перестал улыбаться.

— Не подходи! — взвизгнула я.

Мужчина полностью сел на песок, скрестив ноги. И я снова на секунду залипла, потому что они правда были, человеческие, как будто хвост привиделся.

— Я тебя не трону, — пророкотал он. — Я тебя из воды доставал, ты помнишь?

— Не помню.

— Помнишь. Ты там на меня смотрела. У тебя глаза были открыты.

Да. Точно. Тогда у меня проплыла последняя мысль про красавчика, чтоб её. Господи. Я ему ещё в воде успела это, видимо, всем лицом сообщить.

— Ладно, — фыркнула я, немного успокаиваясь и понимая, что убивать и есть меня не собираются. — Допустим.

— Не допустим, а так и было.

— Ладно.

Он сидел и ждал.

Я попробовала встать. На этот раз получилось. Платье прилипло к ляжкам. Я попыталась его одёрнуть и сообразила, что без толку. Оно всё равно висело, как мокрая тряпка, и под ним всё было видно. Пришлось скрестить руки на груди.

Он этого не заметил. То есть он на меня смотрел, не отводя глаз, но не туда, куда смотрят мужики. В лицо. И в этом было что-то ещё более обидное, чем если бы он пялился на грудь.

— Где я? — выдавила я.

— На острове.

— Спасибо. Какой остров?

— Без названия. Маленький. Метров пятьдесят, ну, шестьдесят. Я тебя сюда отбуксировал, потому что ближе ничего не было.

— Отбуксировал.

— Я выудил тебя из пучины.

— Из чего ты меня выудил?

— Из пучины. Из глубин. Из бездны.

Он сказал это с очень довольным лицом, как будто только что вспомнил это слово и обрадовался, что подошло.

— Я просто упала с лайнера, — бросила я.

— Это и есть пучина.

— Это море.

— У пучины много названий.

Я закрыла глаза, а после открыла. Мужчина был на месте. Всё так же голый, с самой умиротворённой физиономией.

Ну отлично. Меня спасла говорящая энциклопедия девятнадцатого века.

— Тебя как зовут? — спросила я.

Он медленно встал. Видно было, что ноги его слушаются, но он за ними следит. Поклонился. Низко, в пояс, с разворотом руки.

Божечки. Мне кланяется существо из подводного мира. Интересно, а там умалишённые встречаются?

— Мирен. К вашим услугам, прекрасная незнакомка, — улыбнулся он.

— Святой укроп, — протянула я.

Мужчина выпрямился. Заинтересовался.

— Святой кто?

— Неважно.

— Святой кто? — повторил он. — У тебя свои святые?

— Это не святой. Это так говорят. Когда удивляются.

— А почему укроп?

— Не знаю. У моей бабушки тоже была про укроп. Это семейное.

— Я запомню, — сказал он.

— Не надо.

Я плюхнулась на песок. Ноги отказали окончательно. Колено пекло. Голова кружилась. Во рту сухо, и я сообразила, что не ела и не пила, скорее всего, часов пятнадцать, и последнее, что во мне было, ушло в море вместе с туфлями и стейком.

Мирен сел напротив. По-прежнему чуть поодаль. И, видимо, тоже сообразил про еду, потому что встал, ушёл куда-то за скалу, вернулся с чем-то в руках. Это было нечто среднее между большой раковиной и старой плоской. Внутри плескалась вода.

— Пресная, — растянул он рот в довольной улыбке. — В скалах копится после дождей.

— Спасибо, — всхлипнула я.

Мужчина поставил плоску на песок между нами и отошёл. Я взяла, понюхала и глотнула. Пресная. Выпила всю.

— Ещё есть? — спросила я, потому что сушняк сделал из моего рта пустыню.

— Чуть-чуть.

— Принеси, пожалуйста.

Мирен принёс. Я выпила и эту. Голова стала яснее. Мысль приобрела форму, что я, кажется, сижу на необитаемом острове напротив голого мужика, который ещё час назад был рыбой.

— Это, — сказала я, кивая на его ноги. — Как это вообще?

— Что?

— Вот это всё. Ноги. Хвост. Туда-сюда.

С полутрезвой головой у меня не формировалась связная речь.

— Это долго объяснять.

— У меня времени много.

— У меня — нет, — пробасил Мирен. — На ногах я могу быть часа четыре. Потом нужно в воду. Я ещё новенький в этом. Я обычно с хвостом существую. Ногами редко пользуюсь.

— Ясно, — сказала я, хотя ясно мне не было ничего.

Но с галлюцинациями вопрос решился. Передо мной действительно русалка.

Мирен наблюдал не как мужик за бабой. Он явно пытался понять, что у меня сейчас в голове. А там, между прочим, не было ничего, кроме изысканной брани.

— Пресвятая мадонна делла рукола, — пробормотала я себе под нос.

Это подцепила у соседки. Она этим выражением реагирует, когда у меня прорастает гор-тензия не того цвета.

— Сей остров, — произнёс мужчина, — мал, но укромн.

Я подняла голову.

— Что ты сказал?

Думала, ослышалась.

— Сей остров мал, но укромн, — повторил он.

— Так. Стоп! Ты вообще как разговариваешь?

— Как?

— Сей. Укромн. Ты кто? Граф? — удивлялась я.

Такую речь вообще не встретишь у нас. Хотя чего я хотела от рыбы? Он хотя бы говорить умеет. А если бы не умел? Как бы мы с ним общались? Но интересно стало.

— Я не знаю, кто такой граф, — задумался он.

— Тогда не говори сей, — буркнула я.

— Почему?

— Потому что так не говорят.

— Кто не говорит?

— Все не говорят.

Он подумал. Видно было, что делает это добросовестно.

— Я читал, — сказал он. — В книгах так пишут.

— В книгах пишут давно. Очень давно. Когда были графы.

— А когда они были?

Господи, о чём мы спорим?

— Двести лет назад. Триста. Не знаю.

— Так это недавно, — хмыкнул мужчина.

Я открыла рот. Но аргументов у меня не было. У того, для кого двести лет — недавно, нет системы координат.

— Ладно, — протянула я и решила зайти с другого бока. — Допустим. Сколько тебе лет?

— По нашему счёту пятьдесят.

— Это сколько по-нашему?

— По-вашему я молодой. Где-то как ты.

— Мне тридцать с чем-то.

— Я знаю, — сказал он.

— Откуда?

— Чувствую. Я, когда близко, слышу тебя.

Я смотрела на его синие глаза. Он не выпендривался.

— Это эмпатия, — наконец выдала я. — Так называется. То, что ты делаешь.

— Новое слово. Запомню, — улыбнулся Мирен.

Посмотрев в сторону, я обвела море глазами. Там ни кораблика.

Глава 3

Элиза

— Долго мы тут? — спросила я.

— Два дня, может, три. Я тебя нёс с ночи. Дотащил под утро. Сейчас часов восемь. Течения у этого острова меняются раз в несколько суток. Пока не туда. Через два, может, три дня встанут правильно — отнесу. До твоего берега километров двадцать.

Я попыталась представить, как именно он будет меня нести. На руках, на спине, верхом на этом его хвосте. И не смогла. В голове картинка не складывалась. У меня там вообще русалок не было.

Точнее, знала, конечно. Все знают. Слышишь с детства, как про белых акул или про то, что в океане существуют большие пустые места, куда корабли не заходят, и там что-то живёт. Слышишь, что они есть. Иногда их видно. И какой-нибудь рыбак приходит в бар и говорит, что видел сегодня. А ему кто-то верит, а кто-то нет. Большинство не дослушивает.

Раз в десять лет в новостях мелькает, что у побережья такого-то опять зафиксировали... И фотография мутная, а ниже — комментарий научного консультанта.

Приморские бабки судачат об этом. У моей соседки была такая прабабка.

Главное, что я про них слышала, — что они опасные. Дикие. Не стоит приближаться. В воду рядом нельзя лезть и звать. Утопят. Они могут. Не от голода и не от злобы, а потому что чужие, и им не объяснишь, что мы не еда и не игрушка. Соседка ещё что-то добавляла: у них голос такой, что нельзя слушать, особенно на воде или ночью, потому что услышишь — пойдёшь.

Я посмотрела на Мирена.

У него голос был такой, что да. У меня от этого что-то внутри проворачивалось. Будь я в воде ночью одна, пошла бы, наверное.

Этот не утопил. Собирался отнести меня домой.

— Откуда, — наконец сказала я, — ты в курсе, что у меня есть берег? И что он там, куда встанут течения? И, пока мы это обсуждаем, откуда ты знаешь, в какую сторону вообще тащить меня?

Он повернулся ко мне не сразу. Я уже заметила, что он отвечает с задержкой. Есть у него такая привычка, между моим вопросом и репликой мужчины всегда секунда. Я сначала подумала, что он соображает, потом — что подбирает слово, а сейчас, глядя, как он чуть наклонил голову, поняла, что он, кажется, просто слушает. Меня всю.

— Ты упала с лайнера, — сказал он наконец, и сел поудобнее, как будто готовился к долгому разговору. — Он двигался к берегу. Ночью он шёл на запад, я слышал двигатель, пока тащил тебя сюда. У вас в этих краях туристов больше, чем рыбы. Я давно тут плаваю и знаю эти лайнеры наизусть. Этот — из тех, что курсируют между крупными портами и маленькими бухтами. Скорее всего, ты живёшь в одной из таких бухт. Если бы ты жила в городе — ты бы не выглядела как...

— А как я выгляжу? — удивилась я.

— У тебя въелась глина под ногти. И руки человека, который копается в земле. У городских такого нет. И ты, когда упала, не сразу испугалась моря. Ты испугалась воды только под ней. Это говорит о том, что ты с морем на «ты». Я тебя отнесу, куда покажешь, на сколько-то километров расхождения у меня хватит чутья. А если не угадаем — выйдешь на берег и разберёшься.

Это была самая длинная связная речь, которую я от него услышала за всё утро. В ней не проскользнуло старинных словечек. Когда ему надо что-то объяснить, он делал по-человечески. Графом становился, когда хотел.

И ещё. Чёрт! Глина под ногтями. Это царапнуло. Я не помнила, когда последний раз делала маникюр. У меня под левым большим ногтем должна была быть глина с того гортезового горшка, который я переваливала позавчера. То есть он это рассмотрел и запомнил, пока тащил меня от лайнера до острова в воде. У него была память на детали. Это полезно знать.

— А если я тебе врала, — прошептала я, — что я с берега. Вдруг меня кто-то ждёт. Или я убегаю от полиции.

— Ты не убегаешь от полиции, — сказал он негромко.

Подтянув колени, я обхватила их и попробовала завернуть вопрос иначе.

— Хорошо. Тогда давай так. Раз ты чувствуешь меня или слышишь — слушай, ладно. Я смирилась. Можешь себе ощущать сколько угодно. Но вслух ничего не говори. Не хочу слышать в твоём пересказе то, что у меня в голове. Это бесит.

Он подумал над этим довольно долго. Видно было, что ему предложили правило, и он его примеряет. У него на лбу даже образовалась морщинка между бровями.

— Договорились, — наконец к чему-то пришёл он, когда шестерёнки в голове докрутились. — Не озвучивать. Я постараюсь. Иногда буду забывать. Я недавно с людьми.

— Насколько недавно?

— Никогда раньше не встречал, — улыбнулся Мирен. — То есть видел с кораблей, изда-лека. И они затопленные. С живыми — ты первая.

Я представила его на затопленном корабле, и меня передёрнуло. Он это, конечно, услышал. Но, слава богам, не озвучил.

— Тогда ты давай уж постарайся, — осмелела я.

— Хорошо.

Подняв руку, я щёлкнула пальцами. Между ними вылезла рыжая искра размером с ноготь. Подержалась полсекунды и потухла, оставив запах серы и чувство, будто я подняла мизинцем чугунный котелок.

Мирен подался ко мне всем корпусом так, что я чуть не отшатнулась.

— Это что было? — спросил, и в голосе у него прозвучал неподдельный, детский, абсолютно открытый восторг.

— Это магия, — ответила я. — У меня огонь. Дома в нормальных условиях, с амулетом, я могу зажечь плиту щелчком, разогреть чашку, развести костёр из мокрых веток. Сейчас амулет лежит в коробке для украшений у меня в спальне, в полутора тысячах километров отсюда, потому что я, идиотка, побоялась потерять его в кризисе. Поэтому всё, что осталось, — вот это. Искра.

— Покажи ещё раз.

Я снова щёлкнула пальцами. Искра выскочила и потухла. Мирен смотрел на это, как на фокус. А мне нравилось его искреннее любопытство, и я повторила третий раз — уже скорее для него, чем для себя. Глаза у мужчины стали ещё круглее.

— А что ты ещё умеешь? Раньше с амулетом могла больше? — Он спрашивал быстро, перебивая сам себя.

Такой большой, красивый и... наивный.

Да что ж мне так на мужиков-то не везёт? То изменники, то неандертальцы.

— Огонь — это всё. Магии у меня немного, бытовая. Знаю одного парня, у него тоже огонь, он может удерживать пламя на ладони минут пять. Я так не могу. Я в питомнике работаю, с растениями. С огнём только в хозяйстве.

— Питомник, — повторил он и нахмурился.

— Питомник — это место, где выращивают растения. Цветы, кустарники, рассаду. Продают людям.

— У вас и для растений нужны специальные люди? Подумать страшно.

— А у тебя что, в море специальные рыбы для еды?

— У нас рыбы сами. Они не специальные.

Я фыркнула.

— Слушай, — вдруг родился у меня вопрос. — У тебя тут есть какое-нибудь, ну. Где тут можно уединиться?

— Это что? — склонил Мирен голову набок.

— Уединиться от тебя. Минут на пять.

Соображала эта рыбина, конечно, туго. Но с задачей справилась, и в глазах появилось осознание.

— А, — провёл он рукой. — Море.

— В смысле?

— Море большое. Если не устраивает, отойди за скалу, я тебя не вижу. Никто не видит. Вода всё уносит. У вас, я знаю, с этим сложно. У нас просто. Мы все в воде.

Он сказал всё без тени смущения, как простую общеизвестную справку. У меня в голове на секунду открылась картинка из этого, где стая русалок, занятых своими делами в синей толще, и кто-то посредине, по дороге, между делом, не оглядываясь, откладывает...

Додумывать не стала и картинку спешно стёрла.

— Поклянись, что не подсмотришь, — приказала я ему.

— Я и так не буду. Зачем мне?

На его лице появилась искренняя непонятливость, и я даже не стала спорить. Поднялась, отряхнула с платья песок — без особого результата, потому что он прилип к мокрой ткани намертво и теперь висел на мне грязной коркой. И ушла за скалу, обернувшись по дороге. Он сидел лицом к воде. На меня не смотрел.

Это хорошо, что он такой... честный. Пригодится.

Когда возвращалась, подумала, что эмпатия — это, оказывается, удобно. Он не оборачивается, потому что знает, что не надо. Нечестно, поскольку я только что запретила ему пользоваться, а сама пользуюсь. Да всё равно. Жить как-то надо.

Я села поодаль от него.

Мужчина молчал. На его лопатках, когда он чуть повернулся к ветру, я разглядела тонкие шрамы. Бытовые. Как будто его кто-то один раз поцарапал, может быть, и не специально, и зажило давно. Подумала, что у него, наверное, в этой его прошлой жизни был какой-то недруг. Битва русалок. Интересно, хвостами друг друга лупят? Да и пофиг. Мне-то какое дело?

День клонился. Тень от скалы перетянулась через нас и пошла дальше, к воде. Я обхватила колени.

— Ты хотел меня покормить, — напомнила я.

Ну, раз уж он застрял тут вместе со мной и не отходит, надо же как-то его эксплуатировать. Хотя это не очень хорошо. Но если мы не будем есть, он сожрёт меня.

— Хотел, — отозвался Мирен, не оборачиваясь. — Рыба будет сырая. А это тебе не подойдёт?

— Сырое — нет.

— Тогда ничего, — пожал он плечами, и в голосе у него прозвучало настоящее, мужское сожаление, как будто не смог пригласить даму в ресторан, в который собирался. — Извини. Огня я не сделаю. Если бы у тебя был амулет — попробовали бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.